

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.19

СОЦИАЛЬНАЯ АМНЕЗИЯ КАК КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Живой Андрей Сергеевич

Аспирант Института философии
и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: zhivoistg@gmail.com

SOCIAL AMNESIA AS A COMPONENT OF SOCIAL MEMORY

Andrey S. Zhivoy

Post-graduate student, Institute of Philosophy
and Social and Political Sciences,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: zhivoistg@gmail.com

Статья посвящена феномену социальной амнезии как компоненту социальной памяти. Автор выделяет типы социальной амнезии, анализирует порождающие ее факторы и условия, затрагивает укорененность социальной амнезии в метафизике социального бытия. В статье исследуется также связь социальной амнезии с феноменом контркультуры.

Ключевые слова: социальная амнезия, социальная память, контркультура, идеологическое конструирование.

The article is devoted to social amnesia as a necessary component of social memory. The author describes the types of social amnesia, analyzes the factors and conditions of its emergency, investigates its rootedness in the metaphysics of social being. The correlation between social amnesia and the phenomenon of counterculture is also analyzed in the article.

Keywords: social amnesia, social memory, counterculture, ideological construction.

Введение

Одной из характерных черт общества эпохи модерна является рост тенденции социальной амнезии. Социальная амнезия, по аналогии с индивидуальной психологической амнезией, может быть определена как забвение обществом тех или иных исторических фактов и явлений, а также, по нашему мнению, и как отторжение или уход из социальной

и культурной памяти достоверной социальной оценки значимости этих явлений и фактов [7]. В настоящей статье мы ставим своей целью анализ социальной амнезии как феномена общественной жизни, приводящих к ее возникновению факторов и ее последствий для общества и культуры.

Социальная амнезия: сущностные черты и типология

Под социальной амнезией мы понимаем «выпадение» из анналов памяти общества как мегасубъекта определенных компонентов истории и культуры. Такое общественное забвение может иметь, однако, различные причины и формы. Оно может быть спонтанным, сопровождающим периоды особенно интенсивного инновационного развития общества, когда усиленный рывок в будущее требует напряжения всех сил и компенсируется относительным обесцениванием всего, что противоречит и сопротивляется инновации. Спонтанные проявления социальной амнезии неизбежны в истории, отражая периодически возникающую у общества потребность на время снять с себя тяжесть полноты исторической памяти и ответственности. В таких случаях она имеет функциональный аспект, проявляясь как один из механизмов психологической самозащиты общества.

Согласно Я. Ассману, социальная амнезия не только необходима, но и является живым и динамичным компонентом всякого общества и любой культуры, инструментом социального самосохранения [2]. Исходя из собственной потребности, общество структурирует и переструктурирует свои воспоминания, наделяет их новыми интерпретациями, решает с их помощью разные задачи. Живущее поколение самостоятельно, исходя из собственных потребностей и задач, заново конструирует воспоминания коллективного прошлого. Некоторые такие воспоминания актуализируются в ментальности живущего поколения, а некоторые вытесняются и подвергаются амнезии. При этом причины выбора того, что подлежит забвению, могут чаще всего не осознаваться и могут быть поняты лишь в результате специальной аналитической работы. Спонтанное конструирование обществом собственной коллективной памяти как раз и осуществляется посредством избирательного забвения той или иной информации, которая отбраковывается из-за своего разрушительного потенциала. Таким образом, спонтанная социальная амнезия представляет собой один из инструментов традиционализации. Лакуны, образующиеся благодаря действию этого механизма в памяти сообщества, обрамляют и акцентируют содержательные структуры традиции.

При этом «забытое древнее» воспринимается как хранящее в себе сакральную тайну генезиса сообщества, скрытую во мраке веков, но являющуюся источником ритуальных практик, смысл которых утерян, но ценность не подвергается сомнению. В метафизической перспективе общество невозможно представить как обладающее всей полнотой социальной памяти, поскольку такая полнота является прерогативой совершенства и вечности, а темпоральное бытие социума всегда в чем-то ограничено и неполно. Полнота памяти описывается в метафизической философии понятием *алетейя*, означающим неподверженность забвению. Это состояние исключает однонаправленность истории, поскольку в однонаправленном темпоральном движении всегда какие-то события остаются за гранью забвения. В понимании Хайдеггера, пользующегося этим понятием, *алетейя* есть круг, замкнутая совершенная траектория [4]. Но темпоральное бытие в профанной истории оценивается в критериях этого вечного совершенства; традиционализация осуществляется на базе сакрального авторитета отчасти утраченного и погруженного в забвение древнего знания, и тем самым социальная амнезия становится фоном и необходимым дополнением традиционного жизненного мира.

Другой тип социальной амнезии существенно отличается от описанного выше. Амнезия может выступать и средством осознанного искусственного обрыва социокультурной преемственности, осуществляемого в целях создания с нуля, «из ничего» принципиально нового культурного мира, держащегося на иных ценностных основаниях. Такой тип социальной амнезии не является спонтанным и необходимым компонентом темпорального бытия общества. Его природа определяется субъективным произволом и является скорее идеологической. Как отмечают исследователи, «революции и реформы в общественном развитии подвергают вынужденному амнезированию общественное сознание, прежде всего, посредством идеологической обработки и системного идеологического давления. Об этом свидетельствуют такие яркие примеры XX в., как фашизм и тоталитаризм» [3]. Механизмы реализации такой искусственной социальной амнезии могут иметь в той или иной мере репрессивный, принудительный характер, предполагать насильственную эксклюзию из официальной истории имен и деятельности тех или иных акторов, запрет их публичного упоминания. Сюда же относится феномен запрещенных к публикации книг, запрещенных к показу фильмов, возникновение целого запретного сегмента культуры. От деятельности обычной для авторитарных обществ государственной цензуры такая массивная целенаправленная ор-

ганизация амнезии отличается жесткостью и масштабами культурных запретов. Для нее характерны демонстративные публичные меры по символическому обесцениванию и ликвидации наследия старой культуры, такие как сожжение книг, уничтожение произведений искусства. Исследователи приводят известные примеры целенаправленных акций такого рода: в Древнем Китае основатель имперской династии Цинь Шихуанди практиковал сжигание книг, содержащих, по его мнению, опасные для созданного им государства идеи и взгляды. Аналогичную практику, но в гораздо большем объеме, осуществлял нацистский режим в Германии [3]. В настоящее время подобные контркультурные по своему содержанию акции разрушения ассоциируются с религиозным экстремизмом, прежде всего исламским, тяготеющим к разрушению и изглаживанию из общественной памяти иного цивилизационного наследия. Таким образом, искусственная социальная амнезия является естественным спутником авторитарного правления и тем более тоталитаризма, осуществляется посредством репрессивных мер и имеет целью осуществление культурной эксклюзии инакомыслящих и ликвидацию или значительное сокращение влияния их идей на общество. Она являет собой своего рода насилие над обществом и культурой.

Искусственно конструируемая социальная амнезия в истории выступала и инструментом культурной ассимиляции этносов и этнических групп, направленной на формирование новой гражданской идентичности на обломках традиционной этнической [1]. Формами такого конструирования были переселение в новое пространство обитания, лишенное каких-либо напоминаний об историческом прошлом народа (как насильственные коллективные депортации, так и добровольные перемещения на новую, чуждую прошлого территорию); смена алфавита, запрет пользоваться национальным языком или преобразование самого языка и алфавита (в качестве примера можно привести изменение русского алфавита после Октябрьской революции в России, переход к кириллице тюркских народов в бывшем СССР и т.п.). Во всех таких случаях обрыв старых культурных и межкультурных связей оказывался шагом к обнулению содержания прежней этнокультурной идентичности, оставляя пустое пространство, которое тут же заполнялось новыми культурными конструкциями.

В философско-исторической перспективе можно предположить, что социальная амнезия имеет своей подоплекой метафизику общественного бытия, ее внутренние ритмы, влияющие на внешний ход истории. Забвение обществом каких-то параметров самого себя, ценностей собственной многовековой культуры является предвестником или

проявлением назревающих социальных катаклизмов, частью внутреннего эсхатологического драматизма исторического процесса. Нормальное состояние общественного сознания предполагает эффективную трансляцию от поколения к поколению всей полноты социокультурного содержания [11]. Потребность и возможность культурного забвения появляются тогда, когда в недрах общества зреет подспудная неудовлетворенность большой массы людей наличным положением дел, которая может вылиться в разочарование и фрустрацию в отношении ценностей, лежащих в основании общества и его культуры. Такие ситуации вызывают мощные возмущения социокультурной среды, по своей сущности и направленности являющиеся контркультурными. Они отражают протест малопривилегированных и совсем не привилегированных доминирующей культуре слоев и групп, подвергающихся насильственной ассимиляции или культурной эксклюзии и потерявших надежду утвердиться каким-либо образом в рамках общественного статус-кво. Направленность такого протеста охватывает не только господствующие классы и группы и социальные институты, но также и принадлежащие этим группам, хранимые этими институтами мнемонические содержания. На волне контркультурного протеста происходит ускоренное и устрашающее по масштабам разрушение установленного содержания социальной памяти.

Так, фактором социальной амнезии и ее проявлением могут быть случившиеся в истории человечества социальные катаклизмы, контркультурные перевороты, связанные с приходом к власти социальных классов и групп с относительно низким уровнем образования и культуры, не заинтересованных в сохранении в полном объеме социальной и культурной памяти. Таковы культурные революции XX в., составлявшие неотъемлемый компонент тоталитарного общественного устройства и предполагавшие обесценивание в масштабе всего социального жизненного мира идеалов более свободного для населения социального порядка. Одним из важных компонентов культурных революций являются и разнообразное обесценивание и подавление старой интеллектуальной элиты, ее культурных практик вплоть до запрета на профессиональную деятельность, а также заполнение образовавшихся лакун множеством наскоро образованных выходцев из низших общественных слоев, за счет чего формируется новая элита и обновляется ракурс закрепления социальной памяти в иных интерпретациях происходящих событий. Создается новый базовый нарратив, который и берет на себя бремя моральной легитимации формирующегося социального порядка [10].

Социальная амнезия: модели социокультурного воспроизводства

Необходимо остановиться и на характеристике самой модели социокультурного воспроизводства, обеспечивающей возможность социальной амнезии в ее современных формах. Если в древних обществах разрывы социальной памяти создавались главным образом посредством физического уничтожения групп, являвшихся ее носителями, вместе с содержащей ее письменной информацией, то современная эпоха в самой своей культурной матрице задает возможность и необходимость разрывов в ткани социальной памяти и социальной амнезии.

В отличие от традиционного культурного мира, социальное время которого характеризуется линейной преемственностью и непрерывностью социокультурного воспроизводства, культурный мир современной эпохи, как мы видим, катастрофичен, чреват революционными событиями, разрушением преемственности. Его социальное время состоит из периодов линейного развития и многочисленных точек бифуркационного разлома, в которых события приобретают катастрофический в том или ином масштабе характер. Социокультурное воспроизводство происходит в виде скачкообразных перерывов постепенности с началом в каждой точке всего пути заново. То есть речь идет о другом, новом качестве социокультурного воспроизводства, дающем возможность произвольных манипуляций с социальной памятью [8].

Истоки общества модерна восходят к эпохе Просвещения, характеризующейся радикальным обновлением общественной ментальности. Разрыв с историческим прошлым, характерный для структуры социокультурного воспроизводства эпохи модерна, в философском смысле представляет собой попытку создать новую рационалистическую метафизику социального мира. Основоположником такой метафизики выступил И. Кант, выдвинувший концепцию, названную исследователями «этической робинзонадой» [9] из-за того, что она лишает человека опоры на традиционные ценности и институты. Отныне опорой личности могут быть лишь ее собственные разум и опыт. Превращаясь в своего рода коллективного робинзона, обживающего *terra incognita*, общество отказывается от всех форм преемственности культуры и коллективной памяти. Одним из орудий такого универсального отказа становится механизм частичной социальной амнезии.

Европейское Просвещение с его остро критическим отношением к историческому прошлому и традиции стало идеологией в том числе и освоения новых территорий, свободных от памяти о прежних формах организации жизни и социального порядка: обживание европейцами

североамериканского континента происходило как культурное конструирование территории Нового Света, принципиально отличного от Старого, с использованием названий европейских городов с приданным им определением «новый»: Нью-Йорк, Нью-Орлеан и т.п. Наряду с формированием такого нового, «чистого» от наслоений прошлого пространства радикальное обновление коснулось и обжитых территорий – в форме революционного разрушения старых институтов и создания новых.

Идеологическое конструирование амнезии включает в себя, однако, размежевание с прошлым не только в пространстве, но и во времени. В этом смысле социальная амнезия сопровождает разделение единого исторического времени на предысторию и собственно историю. Все, что связано с прошлым, обозначается как предыстория, период, предшествующий началу «настоящей», правильной и осмысленной истории. Точка во времени между предысторией и историей определяется как начало исторического времени, нулевой отправной пункт на шкале временных координат. Она же является и местом разрыва времени на прежнее, предаваемое забвению, и культивируемое новое. Старое стигматизируется как не соответствующее критериям рациональности и опыта, и его значимость редуцируется к статусу преамбулы обновленного исторического времени. Естественно при этом, что предыстория существенно менее важна для субъекта исторического процесса, чем история и особенно ее начало – сакрализуемая точка исторической бифуркации, от которой берет отсчет аутентичное существование сообщества. Таким образом, в обществах эпохи модерна изначально сформировалась принципиально новая структура социокультурного воспроизводства, генетически включающая в себя момент искусственной социальной амнезии, осуществляемой не коллективным организмом спонтанно, а по произволу определенных групп [6]. Такая структура изначально задает катастрофичность динамики исторического процесса, естественным компонентом которой становятся множественные точки бифуркации, потенциально могущие стать точками разрыва между предысторией и историей.

Заключение

Искусственное конструирование социальной амнезии, в отличие от спонтанного процесса традиционализации, тоже представляющего собой социальное конструирование, является результатом применения к общественному сознанию манипулятивных технологий, сущность которых заключается в целенаправленной эксклюзии идей, культурных

образов и – прямо или опосредованно – тех социальных групп, интересы, идентичность и воспоминания отражают эти идеи. Сформированная таким образом социальная амнезия служит фоном для актуализации и реинтерпретации иных содержаний коллективной памяти, включаемых в процесс конструирования новой идентичности сообщества.

Таким образом, искусственная социальная амнезия обладает контркультурной природой и может служить инструментом контркультурного наступления на фундаментальные ценности общественного порядка.

Литература

References

1. Антипов Г.А. Историческая память и социальный менеджмент // Информационные войны. 2015. № 4 (36).
2. Ассман Я. Культурная память. М., 2004.
3. Бакиева Г.А. Социальная амнезия // Полисфера. 2002.
4. Биммель В. Мартин Хайдеггер. Челябинск : Урал LTD, 1998.
5. Волков Ю.Г. Фантомы российского общества в зеркале будущего // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3.
6. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Управление временем социальных общностей: стратегия и методы исследования // Вестник ВЭГУ. 2015. № 6 (80).
7. Кумыков А.М. Социальная амнезия в ракурсе социальной философии // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1.
8. Латур Б. Пересборка социального. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
9. Полонская И.Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д., 2006.
10. Савкин Н.С. Социальное время и метаморфозы социальной памяти // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2014. № 4 (28).
11. Тузигов А.Р. Проблемы консолидации социума и структурно-технологические особенности идеологического конструирования социальной реальности // Безопасность Евразии. 2004. № 2.
1. Antipov G.A. Istoricheskaja pamjat' i social'nyj menedzhment // Informacionnye vojny. 2015. № 4 (36).
2. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. M., 2004.
3. Bakieva G.A. Social'naja amnezija // Polisfera. 2002.
4. Bimmel' V. Martin Hajdegger. Cheljabinsk : Ural LTD, 1998.
5. Volkov Ju.G. Fantomy rossijskogo obshhestva v zerkale budushhego // Gumanitarij Juga Rossii. 2015. № 3.
6. Zborovskij G.E., Ambarova P.A. Upravlenie vremenem social'nyh obshhnostej: strategija i metody issledovanija // Vestnik VJeGU. 2015. № 6 (80).
7. Kumykov A.M. Social'naja amnezija v rakurse social'noj filosofii // Gumanitarij Juga Rosii. 2013. № 1.
8. Latur B. Peresborka social'nogo. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014.
9. Polonskaja I.N. Tradicija: ot sakral'nyh osnovanij k sovremennosti. Rostov n/D., 2006.
10. Savkin N.S. Social'noe vremja i metamorfozy social'noj pamjati // Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 4 (28).
11. Tuzikov A.R. Problemy konsolidacii sociuma i strukturno-tehnologicheskie osobennosti ideologicheskogo konstruirovanija social'noj real'nosti // Bezopasnost' Evrazii. 2004. № 2.